

своих войск, оставался в резерве, и должен был обеспечивать осаждающих от неожиданного нападения врагов.

Король Иерусалимский с жаром преследовал мусульман; его воины бросались вместе с ним в ряды неприятелей и сравнивали своего вождя с Давидом, который, по словам Писания, победил одного из царей Дамаска. Мусульмане, продолжая биться, соединились на берегах Барадды, к западу от города, чтобы спастись от стрел и камней христиан, утомясь жарой и жаждой. Воины, предводительствуемые Балдуином III, тщетно старались несколько раз прорвать ряды неверных: они встречали постоянно непреодолимый отпор. Тогда-то германский император обнаружил свою храбрость в подвиге, достойном героев Первого крестового похода. Сопровождаемый небольшим числом своих людей, он проходит через французскую армию, которая по затруднительной местности не могла сражаться, и становится впереди крестоносцев. Ничто не может противостоять его отчаянному нападению; враги, попадавшиеся ему навстречу, падают под его ударами; тогда один мусульманин, гигантского роста и вооруженный с ног до головы, становится перед ним, чтобы остановить его. Конрад III летит немедленно навстречу врагу. При виде такого поединка обе армии неподвижно ждали в страхе, пока один из двух бойцов не опрокинет своего противника, чтобы возобновить битву. Мусульманский воин был скоро сброшен с коня. Конрад одним ударом меча по плечу своего неприятеля разрубил его тело на две части. Это чудо силы и мужества удвоило жар христиан и распространило ужас между неверными, которые с того времени начали искать своей безопасности в городе и берега реки оставили во власти крестоносцев.

Восточные писатели рассказывают о степени страха жителей Дамаска после победы христиан. В течение многих дней мусульмане ложились спать на пещле; посреди главной мечети был выставлен Коран, собранный Османом; женщины, дети собирались около священной книги, взывая к Магомету о помощи против их врагов. Осажденные уже думали покинуть город; они

загородили улицы со стороны садов толстыми бревнами, цепями и кучей камней, чтобы замедлить шествие осаждающих и дать себе время бежать северными и южными воротами, вместе со своими богатствами и семействами.

Христиане были так убеждены в овладении городом, что их вожди занимались только одним вопросом: кому будет отдан Дамаск? Большая часть баронов и владетелей, находившихся в христианской армии, искали благосклонности короля Франции и императора Германии и пренебрегали осадой укреплений, чтобы домогаться приобретения города. Теодорик Эльзасский, граф Фландрии, приходивший два раза в Палестину еще до этого похода и предоставивший своему семейству все свои владения в Европе, просил для себя Дамасское княжество настоятельнее других и одержал верх над своими соискателями и соперниками. Такое предпочтение породило зависть и повело за собой ослабление армии. Пока овладение городом составляло предмет честолюбия каждого, вожди пылали усердием и жаром; но, потеряв надежду, одни впали в бездействие, другие не считали славы христиан своим собственным делом, и старались воспрепятствовать успеху предприятия, которое не представляло им никакой выгоды.

Предводители осажденных воспользовались таким настроением умов, чтобы открыть переговоры с крестоносцами. Их угрозы, обещания, подарки уничтожили последнее рвение и энтузиазм христиан. Особенно они обрались к баронам Сирии и убеждали их не доверять пришельцам Запада, которые, по их словам, хотя и овладеть христианскими городами в Азии. Они угрожали предать Дамаск в руки султана Мосула или новому властителю Востока, Пуреддину, которому ничто не могло противиться и который скоро овладеет Иерусалимским королевством. Бароны Сирии, или будучи увлечены подобными речами, или в глубине души опасаясь предприимчивости франков, явившихся к ним на помощь, только и думали о том, чтобы замедлить осаду, которой они сами желали с таким жаром. Злоупотребляя доверчивостью